

ПРАВО

УДК 343.8

P.L. Ахмедшин

ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Раскрывается комплекс проблем профилактики террористической активности – одной из системных угроз современной цивилизации. Диапазон проблем затрагивает методологический, криминологический, уголовно-процессуальный, технико-криминалистический, культурологический и психологический аспект. Результатом проведенного исследования выступил разработанный перечень направлений профилактики преступлений террористической направленности, затрагивающий большинство научных областей правового знания.

Ключевые слова: профилактика терроризма; террористическая активность; пропаганда.

Профилактика террористической активности преступлений может быть представлена комплексом мероприятий, направленных на решение рассматриваемой задачи, а именно:

- 1) на использование специальных алгоритмов фиксации и анализа информации об агрессивном поведении граждан с помощью сервисов доверия;
- 2) антикриминальную пропаганду преступлений террористической направленности;
- 3) виктимологическую профилактику террористической активности;
- 4) разработку планов, противодействия террористической активности на гражданских объектах;
- 5) практику контроля общественных организаций;
- 6) систему контроля населения и систему финансовых санкций для лиц, причастных к террористической деятельности.

Использование специальных алгоритмов фиксации и анализа информации об агрессивном поведении граждан с помощью сервисов доверия

Без сомнения, в той или иной степени функцию профилактики преступлений правоохранительные органы реализуют. Однако профилактический потенциал правоохранительных органов напрямую зависит от объема имеющейся информации, актуальной для целей профилактики. Именно информационный аспект является ахиллесовой пятой профилактики сложных преступлений. Неудивительно, что, например, одной из причин неспособности госслужб США противодействовать террористической активности американцами видится в неэффективности выявления потенциальных террористов [1. С. 41].

Необходим механизм внесения в базы данных информации, поступающей от граждан об асоциальных действиях иных граждан. Оптимальными формами могут выступать:

– Заполнение специальных форм в отношении конкретного лица на специальных интернет-ресурсах. В целях эффективной последующей обработки данных оптимально использовать шаблоны (предусмот-

ренные варианты) с перечислением асоциальных форм поведения. К примеру, выбрав вариант «агрессивное поведение лица», необходимо сделать выбор между агрессивным поведением безадресным (разрушение предметов) или адресным (в отношении конкретного лица). Адресное агрессивное поведение может варьироваться в формах словесной, физической или смешанной агрессии.

– Изложение информации об асоциальных действиях по телефону с выбором и озвучиваем оператором (системой) их вариантов и форм агрессивного поведения.

В предстоящих исследованиях необходимо разработать алгоритм оценки личности, в отношении которой в базу данных будет вноситься информация о совершенных ею асоциальных действиях. Как определить, является ли рассматриваемая личность ситуационно асоциальной или асоциальность может быть признана свойством этого лица? Вероятно, на данный вопрос можно дать два ответа, каждый из которых имеет свою логику:

– Присвоить каждому асоциальному действию условную оценку (число, которое назовем условно «очки асоциальности»). Суммирование результатов оценки всех форм девиаций покажет уровень социальной опасности лица. Высокий показатель этой опасности должен выступать основанием профилактических действий в отношении рассматриваемого лица или мотивированного отказа от необходимости этих действий. Недостатком данной системы является тот факт, что выраженная экстравертированная личность может набрать большое количество очков асоциальности за счет совершения большого количества разнообразных действий, по сути не являясь личностью асоциальной. В наибольшей степени это будет свойственно для гипертимного акцентуированной типа (по классификации К. Леонгарда, А.Е. Личко, П.Б. Ганнушкина).

– Во втором случае мы используем прогрессивную шкалу условий оценки. К примеру, за первые случаи асоциального поведения лицу присваивается базовое число «очков асоциальности». За повторное совершение конкретной формы социального действия лицу

присваивают «очки асоциальности» в кратном разме-ре, по сути реализуя концепцию рецидива в чистом виде. Недостатком данной системы является тот факт, что лица с определенным комплексом психологических свойств тяготеют к частому совершению определенного вида социальных действий, не будучи лич-ностями асоциальными, со сложившейся деструктивной картиной мировосприятия. Так, выделяемые вы-шеназванными исследователями типы тяготеют: эпилептоидный – к агрессии в виде физического воздей-ствия на третьих лиц и их имущество, истероидный – к коммуникативным эксцессам (скандалам, шумнымссорам, оскорблением), циклоидный – к оскорблени-ям в разных формах и так далее.)

Российское общество в целом негативно относится к доносам. Сказанное проистекает как из кол-лективистской природы отечественной культуры, так и из ее избыточной интеллигентно-морализаторской со-ставляющей, со скрываемой нелюбовью ко всем ин-ститутам государства, а также культурно-кrimинальной составляющей, пусть и искусственно, но также интегрированной в отечественную менталь-ность.

Негативное отношение к доносам характерно для населения, в целом критично относящегося к власти, и, как видно, является категорией скорее субъективной. Доносы – механизм обратной связи населения с государством. Механизм этот необходим, а его целесообразность определяется нормами не общей, а спе-циальной профессиональной этики. Негативное от-ношение **личности** к доносам естественно, позитив-ное отношение **гражданина** к доносам естественно не в меньшей степени.

Создание баз данных с использованием современ-ных технических средств – объективный шаг кон-троля государства за своими гражданами во имя блага последних. Учитывая же, что асоциальность откор-ректируется на стадии формирования еще возможно, использование специальных алгоритмов фиксации и анализа информации об агрессивном поведении граж-дан с помощью сервисов доверия на сегодняшний день должно выступать основной формой профилак-тики любых преступлений.

Вывод. Использование специальных алгоритмов фиксации и анализа информации об агрессивном по-ведении граждан с помощью сервисов доверия можно считать универсальным.

Антикриминальная пропаганда преступлений террористической направленности

Антикриминальная пропаганда преступлений в идеале должна быть стратегическим направлением профилактики любого вида преступности. Однако, как обычно, имеется ряд нюансов.

Современное индустриальное общество ориен-тировано на либеральные ценности, среди которых выделяется отдельно свобода информации. Под свободой информации реально следует понимать право личности на получение любой информации, прямо не ориентирующей её (в виде призывов или рекламы) на преступную деятельность. Под свобо-

дой информации для значительного числа людей реально понимается, прежде всего, получение ин-формации, в лучшем случае спорной с позиции морали и нравственности, в худшем – противореча-щей им.

Неудивительно, что, прикрываясь свободой ин-формации, в доступ обычным людям представляется ин-формация и о преступлениях террористической направленности, но не с точки зрения их критики, а с позиции скрытой рекламы.

Прежде всего, фигура «бунтующего преступника» (которая является одновременно реальной и социаль-но сконструированной) может быть даже соотносима с дилеммой «тварь я дрожащая или право имею», очень популярной среди лиц, формирующих ту самую основу террористических движений, которую исследователи называют «группа пассивной поддержки терроризма» [2. С. 90].

Современная массовая культура, прежде всего зару-бежная, давно сформировала отдельную нишу, посвя-щенную преступлениям террористической направлен-ности с четко обозначенными областями, такими как:

– Специальные издания вроде журнала «Убийство может быть забавой».

– Сайты в сети Интернет и отдельные интернет-сообщества. Так, например, отдельные рубрики сайта «Интернет-архив преступности» (Internet Crime Archives. URL: <http://www.mayhem.net/Crime/archives.html>) однозначно ориентированы на формирова-ние у посетителя асоциальной установки.

– Настольные игры. В качестве примера приведем появившуюся в продаже в начале XXI в. настольную игру под названием «War on Terror» от фирмы TerrorBull Games. Начало партии в War on Terror напо-минает самую известную игру про захват территории – Risk: игроки, представляющие мировые империи, ан-нексируют новые земли, строят города и наращивают военную мощь. Затем происходит неизбежное: интересы империй пересекаются в ключевых, богатых нефтью, регионах и начинаются первые вооруженные конфликты. На этом этапе в игру вступает специальная «ось зла», которая случайным образом превращает одну из империй в «злую» и снабжает ее мощными тер-рористическими картами. Справедливости ради отме-тим, что на пространстве российских интернет-ресурсов мы нашли только настольные игры с выра-женной антитеррористической направленностью.

– Открытки и коллекционные предметы.

– Комиксы. Комиксы выступают хоть и прими-тивной, но формой художественного произведения, ориентированной на детей и на лиц, для которых энергозатратно восприятие иных форм текстовой ин-формации. Наглядным примером выступает комикс «Тerror. Тerror. Тerror».

– Художественные фильмы. Жанр «триллер» дав-но включил в себя «пугательные» истории противо-действия главного героя группе террористов. К счастью, создание образа положительного террориста для Голливуда пока не характерно, однако элементы харизматичности отрицательного героя и некоторой неоднозначности положительного в описываемых фильмах присутствуют достаточно явно (смотрите,

например, Мюнхен (2005), Повелитель бури (2008), Террорист (2008). Можно сказать, что мы находимся на первой стадии формирования асоциальных установок у зрителя. В свое время замена образа отрицательного преступника на условно положительного произошла в отношении серийных преступников. По аналогичной схеме в рамках «окон Овертона» (алгоритма масштабной манипуляции общественным мнением) развивается ломка стереотипов в отношении личности террориста сегодня.

Современная индустриальная цивилизация базируется на пропаганде корысти, насилия и безнравственности. Незаметно именно эти три явления стали системообразующими для мировосприятия среднестатистического обывателя. Информационный прессинг направлен на запугивание обывателя, стимулирование его эгоистического начала, высмеивание ценностей коллективистского общества (образа идеальных родителей, учителей, правоохранителей, правителей и пр.). Средства массовой информации в своей деятельности пытаются воздействовать на элементы негативной природы человека, делая невозможной политику реализации оптимального баланса в воспитании [3. С. 288].

Практика пропаганды социально приемлемого восприятия феномена преступлений террористической направленности в целях профилактики уже продемонстрировала эффективность отдельных направлений этой пропаганды:

– Замалчивание картины террористической активности, как показывает и советская и современная российская практика, в профилактическом плане достаточно эффективно, в отличие от профилактики иных видов преступлений.

– Пропаганда, базирующаяся на составляющих личности террористов, на природе их аморальности и чуждости для нормального человека, как показывает практика ряда европейских и североамериканских стран, является неэффективной в силу неинтересности ее аргументов для обывателя.

– Наибольшая эффективность пропаганды, ориентированной на профилактику преступлений террористической направленности, достигается, когда речь идет не о чуждости ценностей личности террориста для нормального человека, а о неполноценности личности рассматриваемого вида преступников.

Эффективна антитеррористическая пропаганда, опирающаяся на распространение информации о негативной составляющей личности террориста, о ее дефектности, неполноценности как психологической, так и биологической. Неполноценный неудачник не может быть образом антигероя и злодея для обывателя, в том числе предрасположенным к террористической деятельности.

В силу сказанного становится понятным, что антикриминальная пропаганда террористической активности, которая в идеале должна быть стратегическим направлением профилактики рассматриваемого вида преступности в условиях современного общества либеральных ценностей, реализована быть не может, что актуализирует необходимость использования иных форм профилактики рассматриваемых преступлений.

Вывод. Антитеррористическая пропаганда, сводящаяся к воспеванию общечеловеческих нравственных ценностей, достаточно неэффективна. Антитеррористическая пропаганда, сводящаяся к высмеиванию образа личности террориста как неудачника, обладает профилактическим потенциалом выше среднего.

Виктимологическая профилактика террористической активности

Виктимологический аспект преступности – крайне проблемная исследовательская сфера. Результаты исследований отечественных криминологов в области исследования жертв терроризма невелики. Не то чтобы не имеют ценности утверждения о том, что «виктимологическая профилактика терроризма – это сложная и многоплановая деятельность, которая предназначена обеспечить готовность противостоять терроризму на основе специальных мер воздействия на его потенциальных жертв» [4. С. 29], «террористическая виктимность – это объективная возможность или способность («предрасположенность») любого лица, в том числе и юридического, стать непосредственной или опосредованной жертвой терроризма или террористической деятельности» [5. С. 15] и т.п., скорее, проблема в том, что, как правило, дальше поиска методологических основ исследования не идут. А ведь можно утверждать, что именно виктимологический аспект в конечном счете определяет понимание населением степени страдания пережитого жертвами террористического акта, а следовательно, часто определяет саму эффективность этого террористического акта. Однако мало разработать правовые основы по оказанию обязательной государственной социальной, медицинской, психологической, правовой и иной защиты и помощи жертвам терроризма и террористической деятельности и реализовать их механизм на федеральном [6–9] и региональном [10] уровнях. Необходимо определить адресный комплекс или хотя бы вектор воздействия на жертв террористических актов с целью виктимологической профилактики преступлений террористической направленности.

Адресность исключает общий подход, поэтому виктимологическая профилактика должна быть ориентирована на отдельные группы жертв преступлений террористической направленности. Использование типологического подхода и есть реализация идеи адресности виктимологической профилактики.

Наиболее целесообразной типологией жертв (Н.В. Ахмедшина, 2011) мы полагаем их деление на случайных и закономерных жертв с различными формами виктимности. Под виктимностью следует понимать свойство лица, формируемое в процессе социализации и детерминирующее повышенную степень вероятности претерпеть вред от преступных действий.

– Виктимность в форме дезадаптации у закономерных пассивных жертв выступает при наличии у них нерациональных моделей поведения как результата особенностей воспитания либо переживаемого психотравмирующего события.

– Виктимность в форме анадаптации у закономерных пассивных жертв наблюдается в случае отсут-

ствия у них каких бы то ни было сценариев реагирования на криминальную ситуацию.

– Виктимность в форме легкомыслия наблюдается в тех случаях, когда лицо, переоценивая свои способности по урегулированию криминальной ситуации, тем не менее активно стимулирует ее возникновение и развитие, надеясь в любой момент по своему желанию справиться с потенциальными негативными последствиями. Носитель этой виктимности ошибается в своей способности не допустить виктимную ситуацию.

– Виктимность в форме агрессии детерминирует криминальную ситуацию путем активного (агрессивно-наступательного) воздействия на преступника, осуществляя без учета возможных последствий. Носитель этой виктимности ошибается в своей способности выйти из криминальной ситуации без потерь [11. С. 83–98].

На первый взгляд – так как террористический акт направлен на неопределенный круг лиц, именно этим создавая атмосферу страха – жертвы террористического акта в подавляющем большинстве своем относятся к группе случайных жертв. Профилактику случайной виктимности реализовывать трудно, так как ее границы установить можно только крайне приблизительно. Но это только на первый взгляд.

Действительно, террористический акт направлен на неопределенный круг лиц, но необходимо учитывать, что во времени террористический акт может быть представлен совершенно несхожими стадиями, такими как:

– Стадия 1. Непосредственный террористический акт – взрыв, поджог, затопление, начальная стадия множественного убийства, захват заложников.

– Стадия 2. Развитие негативных последствий террористического акта – распространение обрушений от взрыва, огня от пожара, ликвидация свидетелей масштабного убийства, взаимодействие террористов с заложниками.

На второй стадии уже можно говорить о закономерных жертвах последствий террористического акта, а значит, и о полноценной виктимологической профилактике террористической активности.

Виктимность в форме анадаптации в целом и случайная виктимность преодолевается информированием широкого круга лиц о наиболее выгодных и безопасных линиях поведения при пребывании в условиях непосредственной террористической угрозы. Государственные службы и работодатели должны обеспечить прохождение широким кругом лиц курсов повышения квалификации, направленных на преодоление или снижение виктимологических рисков в случае совершения террористического акта. Вот пример корпоративного задания для тематических антитеррористических курсов повышения квалификации: «Обучение действиям в рамках защиты от терроризма должно быть адресовано всем участникам на всех уровнях участия, поскольку эти люди являются членами сконцентрированного подразделения, в котором требуется командная работа. Фонд командной координации – это полное понимание индивидуальных заданий. Обучение поисковых команд может осуществляться без привлечения помощи специалистов; однако органы полиции, а также специализированные консультанты

по вопросам безопасности могут оказывать помощь или провести дополнительное обучение. Тренировочные занятия должны включать полное объяснение плана действий как в теории, так и на практике, чтобы обеспечить его эффективность» [2. С. 41].

Отметим, что, в силу некоторой консервативности государственных органов, из-за свойственной им инерции-вялости или нежелания меняться, развиваться или действовать, нежелание многих учреждений принять более точную последовательность алгоритмов достижения цели является иллюстрацией этой инерции [12. С. 23]. Следовательно, повышение квалификации в плане ликвидации и недопущения последствий террористических актов широкого круга лиц должно инициативно исходить больше от общественных, чем от государственных организаций.

Отметим, что виктимность в форме анадаптации преодолевается преимущественно простым информированием об эффективных моделях поведения в условиях террористической активности.

Виктимность в форме дезадаптации проистекает из того, что имеющиеся модели поведения, как правило, из-за избыточной пассивности оказываются неэффективными в условиях террористического акта. Пусть учения, проводимые МЧС в нашей стране, и раздражают обывателей, но их бесспорную ценность могут подтвердить участники этих учений, сравнивающие эвакуацию из учреждения в первый раз и, скажем, в раз четвертый.

Навыки покидания опасного здания, в котором происходит чрезвычайное происшествие, алгоритм поведения под завалами, правила безопасности при обнаружении подозрительного предмета, правила поведения при химической и гидродинамической аварии, правила безопасного поведения в толпе, испытывающей страх, традиционно выступают целью преодоления виктимности в форме дезадаптации, а знания этих алгоритмов – виктимности в форме анадаптации.

Отметим, что виктимность в форме дезадаптации преодолевается преимущественно многократными повторениями в рамках учений, действий, направленных на минимизацию последствий террористической активности.

Виктимность в форме легкомыслия также свойственна преступлениям террористической направленности и проистекает, как правило, из двух ситуаций:

– Ситуации игнорирования правил безопасности первичного осмотра места происшествия, а именно игнорирования того обстоятельства, что «...сцена преступления может содержать вторичные взрывные устройства, установленные специально для того, чтобы уничтожать работников правоохранительных органов» [13. С. 16]. Каноническим примером выступает террористический акт, приведший к крушению скоростного фирменного поезда № 166 «Невский экспресс», следовавшего по маршруту Москва–Санкт-Петербург 27 ноября 2009 г. Второй взрыв произошел через 15 часов 30 минут. В непосредственной близости от второго взрыва находился председатель следственного комитета при прокуратуре, руководитель главного управления криминалистики следственного комитета, руководи-

тель Московского межрегионального следственного управления на транспорте и другие сотрудники следственного комитета. По счастливой случайности перечисленные лица, нарушившие правила безопасности, не погибли.

– Ситуации игнорирования здравого смысла в силу желания получить больше информации о происходящем террористическом акте. Лица, желающие наблюдать происходящую картину террористического акта легко могут пополнить в списки его жертв – демонстрируя наличие виктимности в форме легкомыслия в чистом виде. То же самое касается жертв захвата заложников, активно разглядывающих террористов и пытающихся наладить с ними психологический контакт, не имея на то ни сформированных навыков ведения переговоров с террористами, ни даже общих познаний в экстремальной психологии.

Виктимность в форме агрессии наблюдается при попытке активно противостоять террористам. Так, во время террористического акта на Мюнхенской Олимпиаде 5 сентября 1872 г. представитель команды Израиля М. Вайнберг вступил в схватку с террористами, но, получив огнестрельное ранение, былнейтрализован, впоследствии раненый М. Вайнберг снова напал на террористов, дав возможность одному из заложников сбежать. М. Вайнберг нокаутировал одного из террористов и нанес ножевое повреждение другому ножом, после чего был террористами убит.

Не менее характерный случай произошел при захвате пассажирского самолета Ан-24Б рейса № 244 15 октября 1970 г. В ответ на усилия противодействия со стороны экипажа террористами было сделано более двух десятков выстрелов, убита бортпроводница, ранены командир экипажа, штурман и бортмеханик.

Агрессивная виктимность может быть и залогом успешного противодействия террористам, примером чего могут выступить действия Э. Бахшиняна, в результате героических действий которого 10 сентября 1961 г. была сорвана попытка захвата самолета Як-12М рейса № 44 348 Ереван–Ехегнадзор. Самолет разбился около города Еревана, при этом погиб один из угонщиков, а остальные были схвачены и осуждены.

Мы рассмотрели путь и единичные случаи успешного сопротивления террористам, но встречающиеся в практике подобные противодействия случаются нечасто. В основном агрессивная виктимность проявляется в попытках прямого неподчинения террористам, критике их поведения в их присутствии. Неудивительно, что одной из наиболее известных рекомендаций взаимодействия гражданских лиц с террористами является рекомендация избегать конфликта, недопускать провокации, которые видятся террористами, находящимся в состоянии эмоционального взвода, почти в каждом активном поведенческом акте жертвы.

В целом же агрессивная виктимность для преступлений террористической направленности не свойственна.

В завершение отметим, что виктимологическая профилактика преступлений террористической направленности – это экономичный и эффективный комплекс приемов противодействия террористической активности.

Вывод. Виктимологическая профилактика наиболее эффективна на групповом уровне, базирующемся на типологии жертв выраженной прикладной направленности.

Разработка планов противодействия террористической активности на гражданских объектах

Рассматриваемая разработка планов противодействия террористической активности, в том числе стратегических, представляет из себя деятельность, направленную на планирование предотвращения террористического акта, и деятельность по ликвидации его последствий, если теракт произошел. «Планирование предстоящего инцидента предполагает подготовку в надежде, что событие никогда не произойдет. Планирование включает сбор информации, анализ рисков, организацию, обучение, определение логистических потребностей и получение необходимых материалов и оборудования. Последующая деятельность должна включать все, что необходимо для оказания помощи представителям уполномоченных органов при расследовании инцидента, а также в восстановлении до состояния, в котором будут возобновлен нормальный режим функционирования» [2. С. 34]. Познавательной основой разработки данных планов должен являться синтез двух ключевых элементов природы познания – интуиции и опыта [14. С. 103].

Отдельно отметим, что планы противодействия террористической активности в настоящее время должны быть разработаны, к примеру, еще на стадии проектирования, если речь идет о планировании противодействия террористической активности посредством уменьшения вреда от нее. Так, «Проектировщик или аналитик должен дать разумную оценку действия различных по типу систем оружия, которые могли бы быть применены к рассматриваемой структуре. Рассмотрение разрушительного потенциала военных боеприпасов важно не только для проектирования защитных сооружений военного типа, но и для гражданских объектов, так как многие самодельные взрывные устройства (СВУ) есть либо украденное, либо брошенное оружие» [15. С. 41].

Хотя «основное внимание здесь уделяется неядерным взрывным устройствам, типичным для террористической деятельности» [15. С. 50], в настоящее время это можно признать недостаточным. Так, например, некоторые отечественные исследователи уже опубликовали результаты анализа, которые четко говорят, что «имеется полное основание считать, что акты терроризма на уральских ядерных объектах возможны» [16. С. 202].

Вывод. Планы противодействия террористической активности на уровне инструкций, схем, проводимых тренингов и семинаров должны стать обязательной структурной частью документооборота предприятий, организаций и учреждений.

Практика контроля общественных организаций

Антитеррористическая политика, выражаясь как «никаких уступок и сделок с террористами»

[2. С. 23], не исключает эффективных методов воздействия на общественные организации с выраженным радикальным потенциалом.

«Относительно простая тактика при сборе информации о группах, которые могут вызвать проблемы в будущем, – это отслеживание писем-протестов от связанных с ними лиц. Почти каждая радикальная группа в пределах и за пределами США начала свою деятельность в качестве заинтересованной гражданской организации, которая впоследствии была радикализирована или породила выделившиеся радикальные группы» [2. С. 37].

Для нашей страны учет протестного потенциала общественных организаций также крайне значим, но имеет свою специфику. Значительное количество политически активных организаций имеют выраженную национальную природу землячеств, центров национальной культуры и национальной истории.

«С позиции контрразведывательной работы надо реально осознавать и то, что в любой момент эти организации могут стать базой для тех экстремистски настроенных лиц, которые могут сюда приехать, и на их базе обосноваться и вынашивать планы совершения тех или иных терактов» [16. С. 220].

Гипотетически мы можем рассмотреть некоторые приемы эффективного контроля рассматриваемых радикальных организаций с выраженным террористическим потенциалом. Например, эффективно противопоставить интересы одних радикальных групп другим, вызывая тем самым конфликт между ними. Сами по себе радикальные группы – это сообщества, скорее, «беспокойных», а не «идейных», поэтому направленность негативной энергии на такие же группы отвлекает их от более социально опасной деятельности, например террористической. При организации противостояния необходимо учитывать актуальность ограниченного конфликта между радикалами, что исключается при противоположности точек зрения. Так, крайне сложно погасить возникший конфликт между двумя религиозными общественными объединениями, например между христианами и мусульманами. Гораздо менее энергозатратно урегулировать избыточно разгоревшийся конфликт между теми же мусульманами или христианами, с одной стороны, и политическими экстремистами, неважно – патриотической или либеральной направленности, с другой.

Крайне перспективно проведение нагнетания напряжения между криминальным сообществом и представителями радикальных групп. Так, проведение дополнительных сверх обычного лимита оперативных мероприятий (объски, задержания, выявление притонов, пресечение активности мелких и средних по размеру каналов наркотрафика) после совершенного в регионе террористического акта или акции протesta радикальных организаций включит механизм эскалации конфликта между рассматриваемыми сторонами. Учитывая же более высокий организационный и кадровый потенциал криминального сообщества по сравнению с группами радикальных девиантов, мы, провоцируя эскалацию с легко прогнозируемым результатом по-

беды криминалитета, тем самым задействуем весьма эффективный механизм контроля террористической активности в регионе.

Без сомнения, приведенные методы крайне спорны с этической точки зрения, однако их эффективность, возможно, предопределит их задействование в пресечение террористической активности, пополняя перечень средств профилактики преступлений террористической направленности. Проблему реализации этих методов мы видим не в природе этичности, а в высоких требованиях к политической воле власти и высокому профессиональному уровню работников МВД и ФСБ России.

Вывод: Практика контроля общественных организаций должна быть направлена на правильную направленность как положительной, так и деструктивной энергии их участников.

Система контроля населения и система финансовых санкций для лиц, причастных к террористической деятельности

Вероятно, рассматриваемый вектор профилактики преступлений террористической направленности наиболее спорен. Идея рассматриваемого вида профилактики сводится к тому, что, желая безопасности, гражданин должен пожертвовать частичкой свободы. Приведем в качестве примера четыре законодательных акта разных государств.

– США. USA PATRIOT Act (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001) – «Патриотический акт» («Акт «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» 2001») от октября 2001 г. Закон, в котором в целях необходимости борьбы с терроризмом ряд спецслужб наделяются широкими возможностями по слежке за гражданами США, реализуя мероприятия по подслушиванию и электронной слежке. Действовал до июня 2015 г.

– Великобритания. Investigatory Powers Act – «Акт о полномочиях следствия» от ноября 2016 г. Закон, в котором в целях необходимости борьбы с терроризмом ряд спецслужб наделяются широкими возможностями по слежке за подданными Великобритании, в том числе правом взламывать телефоны и компьютеры, массово собирать персональные данные и т.п. Провайдеры страны должны с 2017 г. собирать списки посещенных пользователями сайтов и хранить их в течение года, предоставляя правоохранительным органам доступ к данным.

– Российская Федерация. Пакет Яровой – Озерова – Федеральный закон от 6.07.2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и Федеральный закон от 6.07.2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

нительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Закон, в котором в целях необходимости борьбы с терроризмом устанавливается запрет на использование несертифицированных средств кодирования. Операторы мобильной связи страны должны с 2018 г. хранить информацию о фактах приема, передачи и содержимое голосовой информации, а также сообщения (от полугода до трех лет), естественно, обеспечив правоохранительным органам доступ к данным.

– Китайская народная республика. Закон о кибербезопасности КНР, принятый в октябре 2016 г., детально прописавший государственную политику, направленную на безопасность интернет-пространства за счет его анонимности. Пожалуй, это единственный закон, который не только вводит слежку за гражданами, но и предоставляет им защиту от потери виртуальной информации, к тому же представляя защиту внутреннему IT-сектору Китая от иных государств.

Отдельно отметим эффективную в профилактическом аспекте деятельность Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), которая в рамках исполнения пп. 2.1 и 2.2 ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ

«О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» организует деятельность по блокированию банковских счетов граждан и организаций, причастных к террористической деятельности. Напомним, что для внесения лица в список террористов достаточно (приведем для краткости только два пункта):

– процессуального решения о признании лица подозреваемым в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 280, 282, 282.1, 282.2 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– постановления следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 280, 282, 282.1, 282.2 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Вывод. Система контроля населения и система финансовых санкций в адрес лиц, причастных к террористической деятельности, – объективные реалии сегодняшнего дня, найденный баланс между свободой и безопасностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lavergne G.M. Worse than death: The Dallas nightclub murders and the Texas multiple murder law. Denton, Texas : University of North Texas Press, 2003. 270 p.
2. Bolz F., Dudonis Jr.K.J., Schulz D.P. The counterterrorism handbook: tactics, procedures, and techniques. 2nd ed. New York : CRC Press, 2002. 266 p.
3. Антонин Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления. М. : Амальтея, 1993. 320 с.
4. Скобелев А.Е. Виктимологическая профилактика терроризма // Виктимология. 2017. № 3 (13). С. 27–30.
5. Кабанов П.А. Виктимология терроризма. Вопросы формирования и развития // Виктимология. 2016. № 4 (10). С. 12–22.
6. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О противодействии терроризму».
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 1995 г. № 579 «Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в г. Будённовске Ставропольского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 26. Ст. 2477.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 1996 г. № 58 «Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в январе 1996 года в Республике Дагестан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 483.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 января 2007 года № 6 (в ред. от 25.03.2013 № 257) «Об утверждении Правил осуществления реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 3. Ст. 452.
10. Закон Волгоградской области от 18.05.2005 г. № 1062-ОД «О мерах социальной поддержки семей граждан, смерть которых явилась последствием террористического акта, совершенного 24 августа 2004 года на борту самолета ТУ-134, следовавшего рейсом № 1303 «Москва – Волгоград» // Волгоградская правда. 2005. 25 мая.
11. Ахмедшина Н.В. Криминологическая виктимология. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2011. 202 с.
12. Rossmo D.K. Organizational traps: groupthink, rumor, and ego / Criminal investigative failures. Boca Raton : CRC Press, 2009. P. 23–34.
13. A guide for explosion and bombing scene investigation – research report. Washington, U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2000. 64 p.
14. Stubbins D., Stub N. On the horns of a narrative: judgment, heuristics, and biases in criminal investigation // Criminal investigative failures. Boca Raton : CRC Press, 2009. P. 99–142
15. Krauthammer T. Modern protective structures. New York : CRC Press, Taylor & Francis Group, 2008. 530 p.
16. Грачев С.И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории : учеб. пособие / под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород : ФМО/ИСИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. 242 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 ноября 2018 г.

PREVENTION OF TERRORIST ACTIVITY: CRIMINOLOGICAL, CRIMINAL PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 197–204.

DOI: 10.17223/15617793/437/28

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: prevention; terrorism; terrorist activity; propaganda.

The article reveals a set of problems in the prevention of terrorist activity – one of the systemic threats of modern civilization. The range of problems affects the methodological, criminological, criminal procedural, technical and forensic, cultural and psychological aspects. The result of the study was an elaborated list of areas for the prevention of crimes of a terrorist nature affecting most scientific areas of legal knowledge. In the study, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, system

structural. In the conducted research, the following specific scientific methods were used: biographical analysis, statistical analysis, comparative historical, expert assessment. Prevention of terrorist activity of crimes can be represented by a set of measures aimed at solving the problem in question, namely: the use of special algorithms for recording and analyzing information about the aggressive behavior of citizens using trust services; anti-criminal propaganda of terrorist crimes; victimological prevention of terrorist activity; developing plans to counter terrorist activity in civilian objects; the practice of control of public organizations; the system of population control and the system of financial sanctions for those involved in terrorist activities. The following conclusions are made in the work. (1) The use of special algorithms for fixing and analyzing information about the aggressive behavior of citizens with the help of trust services can be considered universal. (2) Antiterrorist propaganda, which is reduced to chanting universal moral values, is rather ineffective. Antiterrorist propaganda, which is reduced to mocking the image of a terrorist as a loser, has a preventive potential above average. (3) Victimological prevention is most effective at the group level, based on the typology of victims of a pronounced applied orientation. (4) Plans to counter terrorist activity at the level of instructions, schemes of training and seminars conducted should become an indispensable structural part of the documents of workflow of enterprises, organizations and institutions. (5) The practice of control of public organizations should be directed to the proper channelling of both positive and destructive energy of their members. (6) The system of population control and the system of financial sanctions for those involved in terrorist activities are the objective realities of today, the balance found between freedom and security.

REFERENCES

1. Lavergne, G.M. (2003) *Worse than death: The Dallas nightclub murders and the Texas multiple murder law*. Denton, Texas: University of North Texas Press.
2. Bolz, F., Dudonis, Jr.K.J. & Schulz, D.P. (2002) *The counterterrorism handbook: tactics, procedures, and techniques*. 2nd ed. New York: CRC Press.
3. Antonyan, Yu.M. & Tkachenko, A.A. (1993) *Seksual'nye prestupleniya* [Sex crimes]. Moscow: Amal'teya.
4. Skobelev, A.E. (2017) Victimological prevention of terrorism. *Victimologiya – Victimology*. 3 (13). pp. 27–30. (In Russian).
5. Kabanov, P.A. (2016) Victimology of terrorism: issues of formation and development *Victimologiya – Victimology*. 4 (10). pp. 12–22. (In Russian).
6. Federal Law of 06.03.2006 No. 35-FZ (as amended on 18.04.2018) “On Counteracting Terrorism”.
7. Russian Federation. (1995) Postanovlenie Pravitel'sva Rossiyskoy Federatsii ot 19 iyunya 1995 g. № 579 “Ob okazanii pomoshchi litsam, stavshim zhertvami terroristicheskogo akta v g. Budenovsk Stavropol'skogo kraya” [Decree of the Government of the Russian Federation of June 19, 1995, No. 579 “On Assisting Victims of the Terrorist Act in Budenovsk, Stavropol Krai”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 26. Art. 2477.
8. Russian Federation. (1996) Postanovlenie Pravitel'sva Rossiyskoy Federatsii ot 23 yanvarya 1996 g. № 58 “Ob okazanii pomoshchi litsam, stavshim zhertvami terroristicheskogo akta v yanvare 1996 goda v Respublike Dagestan” [Decree of the Government of the Russian Federation dated January 23, 1996, No. 58 “On rendering assistance to persons who became victims of a terrorist act in January 1996 in the Republic of Dagestan”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 5. Art. 483.
9. Russian Federation. (2007) Postanovlenie Pravitel'sva Rossiyskoy Federatsii ot 12 yanvarya 2007 goda № 6 (v red. of 25.03.2013 № 257) “Ob utverzhdenii Pravil osushchestvleniya reabilitatsii lits, postradavших v rezul'tate terroristicheskogo akta, a takzhe lits, uchastvuyushchikh v bor'be s terrorizmom” [Decree of the Government of the Russian Federation of January 12, 2007, No. 6 (as amended on March 25, 2013, No. 257) “On approval of the rules for the implementation of the rehabilitation of persons affected by a terrorist act, as well as persons participating in the fight against terrorism”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 3. Art. 452.
10. Volgogradskaya pravda. (2005) Zakon Volgogradskoy oblasti ot 18.05.2005 g. № 1062-OD “O merakh sotsial'noy podderzhki semey grazhdan, smert' kotorykh yavilas' posledstviem terroristicheskogo akta, sovershennogo 24 avgusta 2004 goda na bortu samoleta TU-134, sledovavshego reysom № 1303 “Moskva – Volgograd” [The Law of Volgograd Oblast of May 18, 2005, No. 1062-OD, “On Measures of Social Support for Families of Citizens, whose death was the result of a terrorist act committed on August 24, 2004 on board the TU-134 plane, Flight No. 1303 Moscow – Volgograd”]. *Volgogradskaya pravda*. 25 May.
11. Akhmedshina, N.V. (2011) *Kriminologicheskaya viktimologiya* [Criminological victimology]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
12. Rossmo, D.K. (2009) *Criminal investigative failures*. Boca Raton: CRC Press. pp. 23–34.
13. Technical Working Group for Bombing Scene Investigation. (2000) *A guide for explosion and bombing scene investigation – research report*. Washington: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice.
14. Stubbins, D. & Stub, N. (2009) On the horns of a narrative: judgment, heuristics, and biases in criminal investigation. In: Rossmo, D.K. *Criminal investigative failures*. Boca Raton: CRC Press.
15. Krauthammer, T. (2008) *Modern protective structures*. New York: CRC Press, Taylor & Francis Group.
16. Grachev, S.I. (2010) *Terrorizm i kontrterroristicheskaya deyatel'nost': voprosy teorii* [Terrorism and counter-terrorism activities: theory questions]. Novgorod: FMO/ISI NNGU im. N.I. Lobachevskogo.

Received: 07 November 2018